

Чжан Чаншэн окинул взглядом ветхую хижину, явно удивляясь, затем обернулся к слугам и торопливо скомандовал: «Чего уставились? Быстрее, несите всё сюда!»

Шестеро или семеро слуг, словно рыбы, друг за другом перешли по деревянному мосту во двор Лю Хуна. Они несли мечи, шёлковые ткани и прочие вещи в лакированных коробках. Хотя содержимое разглядеть было нельзя, ясно было — подношения дорогие.

«Что всё это значит?» — подумал Лю Хун.

Он заметил, что появление Чжан Чаншэна со свитой уже привлекло внимание жителей деревни Чжу. Даже из двора семьи Чжуан вышли люди и стояли на противоположном берегу, наблюдая. Среди них был и Чжуан Ян, но, в отличие от прочих, с любопытством взиравших на происходящее, на его лице читалась тревога.

«Благодарность принёс», — сказал Чжан Чаншэн, потирая руки и глядя на Лю Хуна с обожанием.

«Взгляни, Лю-воин! Меч этот выкован знаменитым мастером из Юэ. Имя ему — Чэн Ин. Железо режет, словно масло, стоит сорок тысяч монет. Отец мой, проезжая через Юэ, как-то раз...»

Не дав ему договорить, Лю Хун внезапно поднял Чжан Чаншэна с земли, словно цыплёнка, и швырнул на деревянный мост.

«Убирайся прочь со своими людьми», — холодно бросил он.

«Лю-воин, дай же договорить! Я хочу пригласить тебя в дом мой почётным гостем!» — Чжан Чаншэн ухватился за рукав Лю Хуна. Тот дёрнулся, но юноша вновь уцепился. Вид у него был такой хилый, что бить его рука не поднималась. Лю Хун сдержался.

«Не пойду».

«Я выстрою тебе большой дом, подарю колесницу, слуг и прекрасных наложниц! Лю-воин, не отказывай так сурово!»

Лю Хун взглянул на Чжан Чаншэна и заметил, как на бледных щеках того выступил румянец. Смущённый, он дёрнул рукав.

«Дом твой обокрали? Воров поймать надо?»

«Нет».

«Враги за тобой охотятся?»

«И вовсе нет».

«Так к чему тогда пристаёшь?»

«Просто хочу с тобой подружиться, Лю-воин. Сделай одолжение».

Чжан Чаншэн вновь ухватился за рукав. Ткань, и без того непрочная, после этих потягушек треснула по шву. И ладно бы только это, но ведь семья Чжуан стоит на том берегу и всё видит.

И что это за панибратство?

Со звуком «р-р-раззз» половина рукава оторвалась. Чжан Чаншэн поспешно отпустил его и залепетал: «Лю-воин, я тебе новую одежду куплю!»

«Не надо. Уходи, а то я перестану церемониться».

Лю Хун прогнал слуг. Те, завидев его грозный вид, разбежались, словно стая испуганных птиц.

«Раз меч не берёшь, так прими хоть это. Не могу я смотреть, как такой воин живёт в развалюхе, грубую пищу ест да в старом холщёвом рубище ходит».

Чжан Чаншэн протянул маленькую лакированную шкатулку. Внутри лежал слиток золота в форме лошадиного копыта.

Лю Хун молчал.

«Лю-воин, ты в этом мире один такой, статен и прекрасен... Сердце моё преисполнилось любви, и я жажду стать тебе ближайшим другом...»

«Я, Лю Хун, не стану жить, присосавшись к другому! Убирайся сейчас же, не то не сносить тебе головы!»

Громовой окрик Лю Хуна заставил Чжан Чаншэна чуть не выронить шкатулку. Тот с тоской посмотрел на воина, но, видя его непреклонность, лишь вздохнул и повернулся. Его тщедушная фигурка удалялась, полная безысходной грусти.

«Пойдёмте. Лю-воин не принимает моих даров», — прозвучал голос Чжан Чаншэна, исполненный скорби. В окружении слуг он взошёл в колесницу и с тем же шумом, с каким прибыл, скрылся из виду.

Лишь когда Чжан Чаншэн уехал, матушка Лю вышла из дома и с тревогой спросила сына, что случилось. Лю Хун ответил спокойно: «Ничего, матушка. Богатый отпрыск из Линьцюна хотел взять меня в почётные гости. Я его прогнал».

Матушка Лю вздохнула: «Опять своё искусство на людях показывал?»

«Нечаянно спас его», — ответил Лю Хун, в очередной раз пожалев, что не дал тому шлёпнуться в канаву. Зачем он такой мягкосердечный?

Чжан Чаншэн уехал, и жители деревни Чжу, поглазевшие на происходящее, потихоньку разошлись. Хотя подробностей они не знали, суть уловили. Молодец этот Лю Хун, мастер на все руки! Слава его уже далеко разнеслась, раз даже уездные богачи к нему с дружбой приезжают.

Под вечер, во дворе семьи Чжуан.

Лю Хун обтёсывал обломком своего старого клинка кусок дерева, придавая ему форму меча. Чжуан Лань сидела рядом на деревянной галерее, подперев щёку рукой, и наблюдала, не отрываясь.

«Ахун, а кто тот человек, что к тебе сегодня приходил?» — подошёл А-И, полный любопытства.

«Наверняка важный чиновник или богатый господин! Видел, какая колесница роскошная была и сколько слуг!» — подключилась к разговору А-Хэ, кормившая во дворе цыплят.

«Не знаю», — ответил Лю Хун, подняв взгляд на Чжуан Яна. Тот сидел на циновке, опершись о низкий столик, и о чём-то размышлял.

Вечерние лучи солнца окутывали его, словно вышитые на белом халате яркие цветы, оттеняя прекрасные черты лица.

«Ахун, ты ведь с ним не уедешь?» — спросила Чжуан Лань.

«А зачем мне уезжать?»

«Он же такой богатый! И меч тебе хотел подарить, и много всего другого».

Чжуан Лань с того берега отлично видела, как тот человек к Ахуну приставал.

«Эрлан же здесь. Разве Ахун захочет уезжать?» — поддразнил А-И, беззлобно, просто отметив про себя, что Лю Хун к Чжуан Яну почти каждый день заходит.

Лю Хун взглянул на Чжуан Яна. Тот тоже поднял голову и смотрел на него. Их взгляды встретились, и Чжуан Ян, как всегда, мягко улыбнулся. Лю Хун подумал, что Эрлан, наверное, видел, как тот тип к нему приставал, и это его беспокоило.

Все во дворе обсуждали сегодняшнего визитёра. Лишь Чжуан Ян хранил молчание, занимаясь подсчётами и записями, ни на что не отвлекаясь.

Перед самым закатом Лю Хун закончил деревянный меч и передал его Чжуан Лань. Та с важным видом принялась им размахивать, издавая боевые кличи. А-Хэ, мывшая у колодца посуду, заметила: «Девчонка, а ты что с мечом-то носишься? Замуж потом не выйдешь!» Чжуан Лань парировала: «Девчонкам как раз и нужно боевым искусствам учиться, чтобы их не обижали!» А затем с гордостью спросила Лю Хуна: «Ахун, ведь правда?»

Лю Хун промолчал. Взяв бамбуковую ветку, он стал поправлять стойку Чжуан Лань: «Обеими руками за рукоять держись, крепче!» Чжуан Лань послушалась, вложив в хватку всю силу.

«Руби! Смотри, как ноги ставлю».

Лю Хун продемонстрировал рубящий удар. В лучах заходящего солнца его фигура смотрелась весьма внушительно. Чжуан Лань загляделась, но не на него, а представляя, как сама будет так же лихо выглядеть, выполняя этот приём.

Чжуан Ян стоял у деревянной опоры и наблюдал. Рядом с ним вертелся большой жёлтый пёс. Тапань, что раньше повсюду следовал за Чжуан Яном, уже вырос и был отпущен в лес. Прошло два года — возможно, Чжусунь, та самка тапаня, уже где-то в чащобе растит потомство.

Чжуан Лань старательно повторяла движения. Для девочки она орудовала деревянным мечом весьма ловко, ничуть не хуже мальчишки. Лю Хун и сам не думал, что, отказавшись от богатого покровителя, будет за свой счёт мастерить игрушки и учить какую-то девчонку.

Услышав боевые крики, из дома вышла матушка Чжуан с младенцем на руках. На шее, ручках и ножках малыша поблёскивали украшения, позвякивая при каждом движении. Одет он был в ярко-красную распашонку, личико — круглое, а на макушке торчал один-единственный хохолок. Матушка Чжуан подошла к сыну, и младенец тут же потянулся к дяде пухлыми ручками, лепеча: «Дядя, азя-азя». Чжуан Ян улыбнулся, взял племянника у матери, придерживая за пухлую попку, и прижал к себе. Малыш приятно обмяк, устроился на дядиных

руках и затих.

«Лань эта — не в тот раз родилась. Что это за девичье дело — мечом махать? Вон иголку с ниткой в руки не возьмёт», — вздохнула матушка Чжуан.

«Матушка, времена беспокойные. Умение постоять за себя ей не помешает».

«Вот интересно, какой же мужчина потом за нею посмеет свататься?»

При одной мысли об этом матушка Чжуан хмурилась.

«Наша Лань — не для заурядных мужчин», — с улыбкой сказал Чжуан Ян. По его мнению, А Лань была и видная, и умная — разве могла она не найти хорошую партию?

«А по-моему, вот этот — неплох», — тихо молвила матушка Чжуан, кивнув в сторону Лю Хуна. «Парень статный, характер твёрдый, честный... Жаль только, беден очень».

На это Чжуан Ян ничего не ответил. Его взгляд остановился на Лю Хуне. Пятнадцатилетний Лю Хун был выше сверстников, нрав имел стойкий, а движения — уверенные, совсем как у взрослого.

Матушка Чжуан не любила смотреть на эти воинские упражнения и хотела забрать внука у сына, но малыш вцепился в дядю и не отпускал. Пришлось ей уйти одной.

Лю Хун показал Чжуан Лань ещё пару приёмов и велел тренироваться самой. Подойдя к Чжуан Яну, он принялся дразнить младенца. Потрогал за ручку, за ножку — малыш так и потянулся к нему всем тельцем.

«К тебя просится», — сказал Лю Хун и неловко принял мальчика из рук Чжуан Яна. Но едва оказавшись в чужих объятиях, младенец вдруг расплакался, уставившись на дядю жалобным личиком.

<http://bllate.org/book/15945/1425644>